

14

Из книги В.Нечаева и
М. Недробовой "Авангард одиночек".

Экземпляр Вадим Нечаев

Писатель Вадим Нечаев.

Евгений Абезгауз считает, что вся его жизнь состоит из курьезов. В тридцать лет преуспевающий инженер-связист бросает свою профессию и становится студентом Ленинградского Высшего Художественно-Промышленного училища им.Мухиной. После окончания училища он — художник-дизайнер, которого увольняют с работы за участие в выставках "неофициального" искусства. Он член Союза художников, но не СССР, а Израиля. У него двойное подданство, хотя он так и не получил документа за № 732, удостоверяющего его израильское гражданство.

Абезгауз — организатор Первой Ленинградской выставки еврейских художников, которая проходила на его квартире. 12 художников экспонировали 112 работ: живопись, графику, скульптуру, — в комнате площадью около 30 квадратных метров и в узком коридоре. Часть мебели вынесли в ванную, в прихожей вбили два ряда гвоздей, чтобы посетители могли снять пальто и шубы. За неделю работы выставки с 23 по 30 ноября — ее посетили четыре тысячи человек. В день закрытия в квартиру художника вела терпеливая очередь человек в двести — как за билетами на заморскую редкость.

Выставка и впрямь была особенной — впервые после закрытия в 1939 году Государственного Еврейского театра, еврейские художники показывали свои работы. Евгений представил на нее портреты и жанровые сценки из старинной еврейской жизни. Поясные портреты, в которых Абезгауз отдал дань начавшему у нас входить в моду суперреализму, изображали его современников как бы очищенных от быта, в условных костюмах XVIII-XIX веков. Большой популярностью пользовался его "Автопортрет на груди у Таратуты",

Художник Е. Абеггауз.

где друг художника Таратута был одет в шелковый камзол, на груди у него — эмалевый медальон с автопортретом Евгения. После выставок (портрет экспонировался еще и на осенней выставке художников-нонконформистов в ДК "Невский") Таратута приобрел необычайную популярность — его начали узнавать даже на улице...

Серия жанровых сценок была создана Абезгаузом за последние два года. Евгений нашел примитивистскую, как бы лубочную форму подчеркнуто-фольклорного жанра. Он использует технику многослойных лессировок, добиваясь эффекта лаковой живописи — утерянного ныне мастерства народной росписи по жести — росписи подносов, брошек, портсигаров. Сюжет, как и полагается лубочному, литературен. Надписи — названия работ на древнееврейском непосредственно включены в плоскость картины: "И пошел Изроэлке по Руси искать счастья", "Т^ихо стало в нашем местечке после погрома", "Наша Алия" — вот их переводы.

Пейзаж, как правило среднерусский, — с речками, холмами, с церквушками на горизонте — дан специально подробно, словно выписан через лупу. Угадывается страсть примитивиста к мелкой детали, когда все в мире равноценно, имеет одинаковое право на существование и одинаковый масштаб: цветок, отрубленная голова, ворона, следы на снегу. Но за этим чувствуется и трагичная участь человека, и прелесть окружающего его бытия, и сострадательное сердце художника.

Известность, которой он не ожидал, пришла к нему на выставке в ДК "Невский". Тогда, по его подсчетам, к нему подошло около двух тысяч человек. Среди них были две пожилые русские женщины: "Большое спасибо Вам за картины. У Вас там что-то по еврейски написано, это мы не поняли, а вот пейзаж русский Вы так глубоко прочувствовали... Хотелось бы иметь просто альбом Ваших пейзажей—

— и смотреть на них по вечерам не торопясь..."

После того, как Евгений окончил свой первый институт — институт связи, он объездил всю страну — был на Дальнем Востоке, на Крайнем Севере, на Урале...

"Я люблю эту страну и знаю ее как мало кто другой. Я люблю ее людей. За годы странствий я понял, что люди — одинаковы. Я говорил с удмуртом — и через неделю — с якутом, а потом возвращался в Ленинград и видел, что каждый человек хочет одного — счастья, он противится трагедии и преодолевает ее".

В этих словах ключ к смыслу его картин.

Был случай, когда Евгению пришлось проверить свои убеждения на практике. В одном из туристских походов (Абезгауз — кандидат в мастера спорта по пешеходному и по водному видам туризма) их лодку с продуктами унесло течением, осталось только ружье и немного патронов. Тогда Евгений со своим напарником голодали больше месяца. Они выбирались из тайги к людям по горной реке, на перекатах она неслась с бешеной скоростью — 30 км в час, — и не звали, останутся ли живы за следующим поворотом. Лишь в последний день появилась пища — Евгений застрелил трех ястребов. Когда он вернулся из похода, он потерял память на имена, вместо 25 лет ему давали 40, но путешествий он не бросил.

Путь его к себе, как к художнику, пролегал без таких эффектных трудностей, но потребовал не меньшей силы воли и упорства, чем те, что он проявил, борясь за свою жизнь в походе.

Страсть к путешествиям у Абезгауза в крови. Едва познакомившись с Наташей, своей будущей женой, он увел ее в поход, а свадьбу молодые справляли уже на плоту: на нем они спустились по уральской реке Вишере. Невеста была в фате из марли, а Евгений, естественно, в прозодежде. Теперь они путешествуют всей семьей —

20

родители и две дочери — Марина 14 лет и трехлетняя Вероника. Иногда берут в компанию и знаменитого Таратуту.

Последние годы Абезгауз увлекся педагогикой. Его ученицей стала дочь Вероника, которая заняла первое место на ежегодном конкурсе детского рисунка "День еврейских детей", проведенного лондонской газетой " " в апреле 1976 года. Марина тоже получила грамоту, да и другие ученики не сплеховали, — Абезгауз создал частную школу, где учит еврейских детей живописи.

"Самое трудное в преподавании? — Мне пришлось приучать их детскости. В девять-десять лет у них уже не было ничего непосредственного. Это были не дети, а начинающие соцреалисты. Я заставляю их обязательно подписывать работы, чтобы чувствовать ответственность. Хотя сам я до третьего курса работ не подписывал, считал, что не имею права. Темы им даю из Библии, из еврейской истории. Очень интересно пишут".

Вокруг Евгения всегда собираются люди. Это повелось еще с тех пор, когда он был инструктором и руководителем в турпоходах. Так продолжается и теперь — встретились незнакомые между собой художники. Готовили выставку в "Невском" к открытию, развешивали работы, смотрели, кто, что принес. И захотели "висеть" рядом. Не получилось. Тогда Евгений и предложил осуществить эту идею в чистом виде — собраться вместе и открыть выставку еврейских художников.

Из Ленинграда выставка переехала в Москву, где была организована тоже на частной квартире и пользовалась там не меньшей популярностью, чем здесь, в Ленинграде. Сейчас готовится новая выставка, весенняя, которая, возможно, будет проходить под названием "Выставка группы Абезгауза". В дословном переводе фами

АЛЕКСАНДР ОКУНЬ

Александр Окунь — самый молодой, самый красивый, самый белозубый из участников Первой выставки еврейских художников. Он немного эстет и немного философ, немного денди. Его жену зовут Вера, она геолог и вышла за него замуж благодаря проигранному пари. Саша процитировал: "жизнь шепчет вам — остановись среди зеленеющих могил", Вера не поверила, что это Андрей Белый и они поспорили "на желание". На следующий день торжествующий Окунь принес томик Белого и сказал, что хочет, чтобы Вера вышла за него замуж.

— Она сказала: — Ты с ума сошел!

— Она сказала: — Потом сам пожалеешь...

— Там мы и поженились".

Потом появилась дочка Машенька. Сейчас ей три года. Она тоже рисует: Мама — беспредметница. Отец не прочит ей художественного будущего, так как не очень жалует абстрактную живопись. Александра интересуют конкретные вещи во всем.

— Возиться с материалом, с красками интересно, и, может быть, полезно, но главное не в этом. Для него главное — в образе, который должен выразить этическую программу художника. "Только сказал, что Рембрандт — это овеществленное сострадание к людям. Мы с Женей Абеггаузом тоже ужасно страдаем к людям, только он по своему, а я по своему. — А если говорить серьезно, для нас обоих этическая сторона — главное. Ей мы подчиняем и цвет, и композицию, и самих себя. Но делаем это по-разному".

Первой выставкой Окуня ("на ней я убедился в своей правоте") была выставка "неофициального" искусства зимой 1974 года. Четыре дня выставки вспоминаются художнику как непрерывный празд-

ник, хеппенинг счастья — как для зрителей, так и для участников. Толпа народу, серьезное отношение к живописи — "это было совершенно удивительно. Я никогда не думал, что моя живопись может интересовать кого-то, кроме меня самого, моей мамы и жены. А тут вдруг оказалось, что о ней говорят, о ней спорят, к ней относятся серьезно..."

Следующая выставка художников-нонконформистов — в сентябре 1975 года. Ее часто называли выставкой ленинградского авангарда, хотя Окунь как и многие ее участники, не считает себя авангардистом. Он стал "авангардистом" силой обстоятельств. До этого он несколько раз подавал картины на официальные выставки, проводимые Союзом художников, одна его работа прошла даже все отборочные туры, но ее собственноручно снял со стены Моисеенко, лауреат Ленинской премии.

Выставка в "Невском" носила уже более прозаический, более деловой характер. Зато он познакомился на ней с теми художниками, которые впоследствии стали его друзьями — Алеком Рапортом, Анатолием Васиним и Евгением Абезгаузом. "Мэтр", как зовут друзья Евгения, заразил их идеей выставки еврейских художников, и теперь они "просто привыкли выставляться вместе". На этой же экспозиции Окунь возобновил знакомство с Александром Арефьевым, — с удивлением открыв в нем прекрасного художника. Знакомство было давним, когда совсем маленький Саша открывал дверь Арефьеву и забирал от него тетрадки с историями болезней, — для папы. Отец был хирургом и преподавал во Втором Медицинском институте, где в то время учился Арефьев.

"Отец резал животы и видел, что у человека внутри, вот поэтому у меня наследственное знание внутренней жизни человека..."

АНАТОЛИЙ БАСИН

Об Анатолии Басине друзья любят рассказывать полуправдоподобные истории. "Он не умеет играть на гитаре и поэтому и всегда рисует гитаристов". "Басин мажет холст, уравнивает, komponует пятна - вдруг пятно становится похожим на лицо - он пририсовывает к нему две точки - глазки и полоску - усы". "Он переворачивает холст вверх ногами и выясняется, что лицо похоже на горшок. Тогда усы стираются". "Басин стоит по утрам на голове. Где? - В Летнем Саду".

Все эти истории имеют свою золотую крупицу истины. Анатолий действительно три раза был в милиции - в первом классе, когда послевоенные мальчишки собирали патроны на окраинах города. Он действительно читает старые восточные тексты и пытается искать человека в нем самом, а не вне его, как это рекомендует делать Запад. И холст для него - это отношение цветовых пятен, и чтобы он был напряжен, художнику необходимо отвлечься от реального. "Живопись - это состояние сознания" - заповедь любимого и единственного учителя Анатолия - Осипа Абрамовича Сидлина, с которым он познакомился в 1956 году и который оказал на него огромное влияние. "Как человек - не только как художник - я родился у Сидлина". Единственный путь духовного самосовершенствования для Басина - живопись. "Я должен обозначать свое духовное начало - я обозначаю себя в контакте с холстом".

И хотя Анатолий считает, что выставки - это недобро, так как художник расслабляется, отстает от себя - он участвовал в семи выставках: в трех выставках в ДК Козицкого, где выставлялись ученики Сидлина, в выставках "неофициального" ис-

кусства в ДК Газа и "Невский" и в двух выставках еврейских художников.

Биография у Анатолия довольно пестрая. Рисовать он начал неожиданно для себя самого, когда ему пришлось оформлять стенную газету на заводе "Вибратор", где он проходил практику от радиотехнического училища. "Так как я выпустил газету, то я решил, что я уже художник, и что мне лучше пойти учиться на художника. Но сначала я пришел в Выборгский Дворец Культуры и их гардеробщик мне сказал, что и х ребята уже пишут маслом. Вышел на улицу — а там объявление о дополнительном приеме в студию ДК им. Каприанова. Так я попал к Сидлину".

Анатолий Васин окончил Строительный институт, архитектурный факультет. Но он с самого начал знал, что он не архитектор. Сменил несколько профессий, был архитектором, электриком, маляром, сторожем — не важно кем, лишь бы оставалось время и силы на живопись. Его мастерская расположена на чердаке. Крохотный уголок, огороженный листами фанеры, попадать в который приходится перешагивая через унитаз. Зато у него фантастической красоты вид на ленинградские крыши и несколько чудом уцелевших работ его любимого учителя.

Худенький, всегда державшийся в тени, Алек Рапопорт вместе с художниками Шапиро, Шварцем, Васми, Арефьевым представлял поколение сорокалетних, — прошедших уже основные жизненные и живописные испытания. Может быть поэтому он так настойчиво повторяет, что хотел бы на время оставить живопись — забыть все, что знал. Ему надоели теории, перевоплощения, он хотел бы найти "настоящего Рапопорта".

Рапопорт увлекался многим: оформлял спектакли — у Акимова — "Время славы" А. Кирнесова, на Ленфильме был художником в популярном фильме "Рабочий поселок", много работал в провинциальных театрах. Увлекался дизайном — и практически сам оформлял интерьеры — и вел курс в Таврическом училище для художников-дизайнеров. Последние пять лет занимается книжной графикой. Терретицировал — занимался связью семиотики с живописью, переводил "Модулер" Корбюзье, — в 50-е годы конструктивизм был и новостью и откровением.

Многим в своих увлечениях Рапопорт обязан Николаю Павловичу Акимову, у которого учился в Театральном институте. Акимов был идеальным учителем — он не учил своих учеников, он позволял им делать все, что они хотят. Именно Акимов дал толчок к аналитическому подходу к живописи, совпавшей с собственными ~~установками~~ устремлениями Рапопорта, приучил любить все — и Алек смело использует в станковой живописи "чужие" методы и приемы. Особенно он любит высокий рельеф, споследующей грунтовкой и — уже живописной раскраской. Этот прием он взял из театральной практики, им выполнены его лучшие работы: "Три еврея" и серия картин на библейские темы. Хотя Рапопорта считают самым "еврейским" из выставившихся художников, интерес к еврейской теме у него появился сравнительно недавно. Он рано остался без родителей и воспи-

Художник А. Рапопорт на выставке.

тивался в русской семье, поэтому ему скорее сродни космополитизм и стремление быть прежде всего — художником, а потом уже евреем.

Рапопорт считает, что учителями его были не люди, а библиотеки — Публичная библиотека и Библиотека Академии художеств. Но можно говорить о Книге, которая стала его Учителем. Это Библия. Сначала он открыл для себя Евангелие, потом Ветхий Завет, а у ж потом возник интерес к еврейской тематике, как к наиболее общему и архаическому жизненному пласту.

"Мы все вышли из XIX века, — считает Рапопорт, — XX век мы не ощущаем. Это проявляется в том, что мы в восприятии опираемся в первую очередь на литературу и музыку. Сейчас я уже не буду преодолевать в себе "XIX век". Поздно, да и ни к чему. Когда я вижу архисовременную живопись, я понимаю, что мне ближе, допустим, Шевченко. Или Павел Кузнецов.

Меня тянет писать натуру, портреты. Мечтаю писать пейзажи в предместьях Рима...."

РИХАРД ВАСИИ

"О художниках нужно писать анекдотично, как Воллар, — провозгласил сидя Рихард Васи — черная кепка, надвинутая на лоб, нераскуренная трубка, сандалии на босу ногу. — Они ведь рекламщики, — угрожающим голосом продолжил Рихард, вытаскивая из-под железной кровати матросский сундучок. — Рекламируют пейзажи, натюрморты, продукты". Он выпрямился, и стало непонятно, на кого он больше похож — на ботмана, списанного на берег за буйный нрав, или — на Командора, вдруг занявшегося живописью и за это заброшенного в коммунальную квартиру. Обои в комнате выкрашены в очень светлый серо-зеленый цвет для того, чтобы создавать нужный фон картинам. — Несколько картин прикрыто оберточной бумагой, хотя только одна из них неокончена. По диагонали — железная кровать, покрашенная в черный цвет и небольшой ампирный книжный шкаф с двумя черепами. В молодости он подражал Сезанну и писал натюрморты с черепами. Один череп из его коллекции перекочевал к тогда еще юному Михаилу Шемякину. Далее следует литературный портрет художника Рихарда Васи, составленный из его высказываний по разным поводам:

" У меня была скучная жизнь.

... Я хотел снять фильм о друзьях: об Алике Мандельштаме, Арефьеве, Шварце и о себе. Но потом я оставил эту идею — снимать фильм о себе и своих друзьях. Сценарий, правда, был уже написан — Шарь едет в трамвае, Орех по кладбищу бежит.

... Как Алик Мандельштам приходил на Новый Год: вдруг без пяти двенадцать нваливается фигура гнома — на костылях. Он как карлик стал — в два раза меньше после своего туберкулеза,

Художник Рихард Васми у себя дома.

после всех своих несчастий. Он сразу за ширму — закололся — и лег. Больше я его не видел. Я тогда тоже на костылях был, поломался, поэтому как Командор ходил.

... В детстве я познакомился с художником Николаем Федоровичем Лапшиным. Он получал международные премии всякие как книжный иллюстратор. Он один из корифеев был. В блокаду Лапшин замерз. А у меня отец умер и мать умерла. Сначала погоревал я некоторое время, а потом мне очень понравилось одиночество. Я читал много — у отца прекрасная библиотека была. Крестный мне помогал очень, опекуном стал. А потом взял и сдал меня в детский дом.

... В эвакуации на меня повлияли пейзажи. Я был в Ростове Ярославском. На берегу озера сказочный монастырь. Дремотный город какой-то. Я жил на другой стороне озера, там тоже церквушка древняя стояла и детский дом наш. Там страшно жилось — урки всякие, да и сами мы воровали картошку. Тамашнее население мне не понравилось — жители. Сами жили богато, а мы голодали. Мне нос сломали.

... У меня живописная преемственность идет через Лапина от Маркс. Он страшным почетом пользовался в Ленинграде. Куча художников под него работала, один даже сошел с ума, Михайлов, кажется. Когда Маркс приезжал в Ленинград, он его робко в мастерскую пригласил, а может, и в квартиру. Маркс поглядел: "О-оо, у Вас неплохо получается. В Париже Вы могли бы иметь успех. Да и условия получше были бы..." Этот бедняга собрал примус, этюдники. Нагрузился рюкзаками и отправился в Париж. Где-то около Бреста его прихватили и попал он в желтый дом.

... Техникум архитектурный я не кончил — не стал диплом защищать. И пару лет битничал — тогда интересней было, чем сейчас. Вот тогда и с Орехом познакомился. Ходил, по ночам окурки собирал, бутылки. Читал много. Ницше, конечно, Фрейд, Хлебников.

После войны открытие III этажа — нововозрожденцев. Я все время ходил в Эрмитаж. Это — культурная революция была. Фруктиекраски, мир совершенно неожиданный. Я только начинал тогда, поэтому мне все было очень кстати.

Самая первая работа моя — колористом в типографии. Мне нравились цвета, — там очень красивые, не хотелось их просто бессмысленно смещивать, а хотелось мазать... С 53 года у меня живописные работы начались.

... У кого я учусь? — я у природы учусь, чтобы что-то постигнуть.

... Я был женат на ^{художнице} еврейке. Мы продавали отцовскую библиотеку (себе я оставил только самое любимое) — и там в старой книге я купил черную магию некоего Синга "Способы неограниченного влияния и накопления магнетической силы". Набросились на нее, упражнения стали делать. Нужно было точку на переносице нарисовать и смотреть в зеркало. Так жена и сидела — ча-са-ми. Я курить перестал, есть перестал...

Книга пошлейшая, конечно, но тогда я довел себя до такого состояния, что мне явился Бог — я ощутил его присутствие. Бог мне явился, чтобы отвратить меня от этого шарлатанства.

Это на меня в смысле образа жизни повлияло, а уж он на живопись... Как в притче о пшеничном зерне.

Р. Васми. Мадонна с младенцем.

... В Библии прямо сказано, что Господь заповедал живопись: Господь сказал Аврааму – даю тебе завет – обрезание, а в знамение завета даю – радуго. А радуга – это эмблема живописи....

... Какая Богу угодна живопись? – искренняя и бескорыстная. Даже то, что Бог создал человека по образу и подобию своему тоже в какой-то мере художественный подход, – Бога.

А можно и физиологически про живопись сказать: это отрыжка в цвете переваренного мира.

... Художник может выставляться, а может и не выставляться. Принципиальное значение имеет, продается он, или нет. А я не хочу продавать – свободу люблю.

Я работаю газооператором на стадионе Ленина, получаю зарплату, достаточную, чтобы питаться хлебом и картошкой. И на сигареты хватает. Зачем мне работы продавать? не разбогатею. Допустим, квартиру все равно не куплю. А зависеть придется... я работы даю повисеть на полгода или на пять лет...

... Христианские темы сейчас трудно решать, очень много работ сделано. Мне была заказана одна такая Богородица, я ее дал в дом бесплатно, на 20 лет. Эта девица вышла замуж, мы встретились, и она мне долго рассказывала про свою горестную жизнь за офицером (а я приехал к ней как раз на день Богородицы). И что картина пропала, когда переезжали. Мне чтоб не обидно было, вот я и написал – другую. Эту.

Я ее написал под Рождество. Сам себе рождественский подарок сделал.

... У меня впечатление, что если живопись где-то и будет, так только у нас. У нас люди резко разделяются. На Западе

они все больше друг на друга похожи. А у нас — всех людей до конкретной определенности жизнь догоняет — или это получается звероподобная сволочь, или праведник, или художник — духовная сущность...

... Современные выставки — мне это все очень интересно. Один художник выставил свои экскременты в баночке, это не бессмыслица — это выражает отношение умного человека к миру. А один художник лежал в дуге и через него пропускали электрический ток. Он даже умер. То же случилось с Рухиным — он сгорел. У него живопись была такая, поэтому и сгорел в пожаре. Если бы он занимался традиционной живописью, то сгорел бы в переносном смысле. Все художники сгорают".

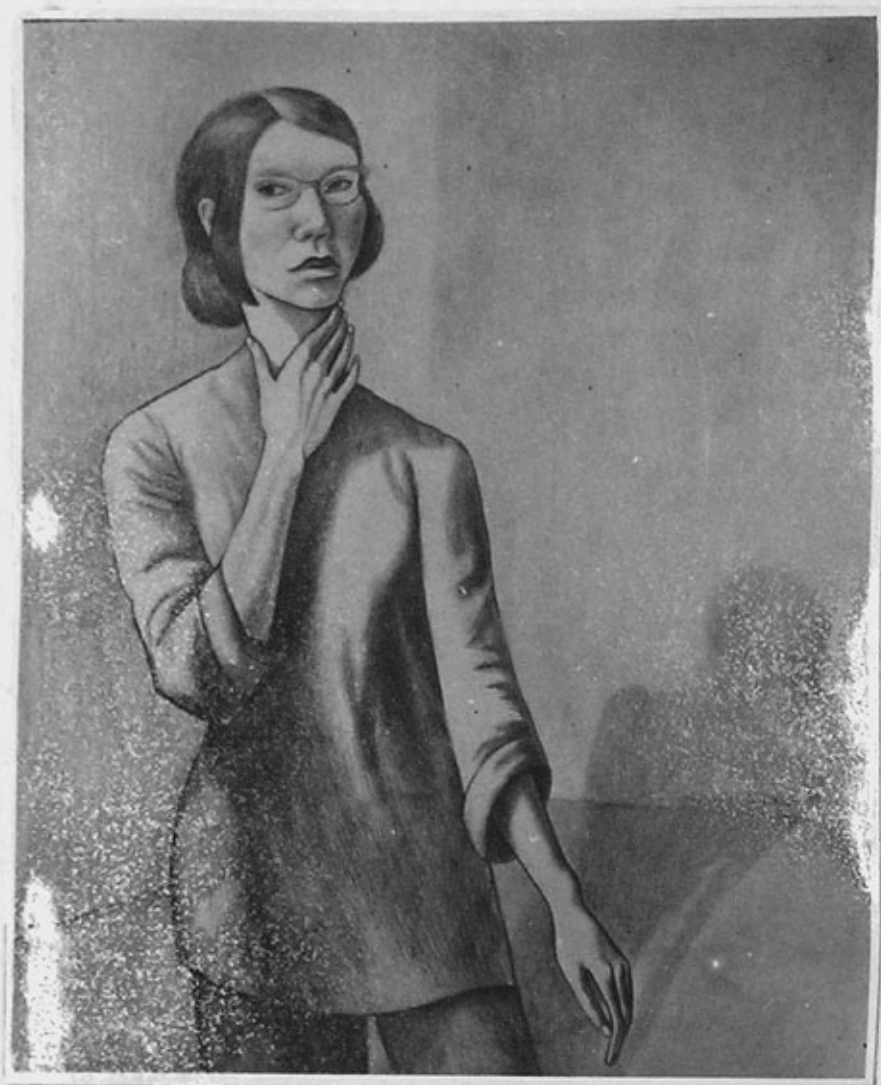
— Рихард Васми затащил пустую трубку, захлопнул сундучок, оглядел исподлобья свою мастерскую и предложил и предложил отправиться пешком на острова, в белую ночь. Он покажет такие сказочные места, которых не знает никто...

ТАТЬЯНА КЕРНЕР

На выставке группы "Алеф" были представлены работы Татьяны Кернер (1941-1973). Время их создания - начало шестидесятых годов. Но и спустя пятнадцать лет они не потеряли свежести и оригинальности, что свойственно только самобытному таланту, который воплощает себя во времени, не думая перехитрить его.

В последние годы своей жизни Таня работала оператором в газовой кочегарке. С художниками она потеряла контакт. Оказалась в страшном одиночестве. 1X июня 1973 года она родила дочку. Таня Кернер жила в мансарде на 7 этаже в шестиметровой комнате без горячей воды, одна, в бедности, с младенцем на руках, художница, неприспособленная к бытовым тяготам, не умеющая что-то просить или требовать от официальных лиц. 25 ноября 1973 года она выбросилась из окна, оставив записку: "Ребенка отдайте в приют".

Легко и трудно писать о человеке, которого ты лично знал. Таня Кернер отличалась сильным оригинальным характером. Помню ее независимую походку, негромкий голос, застенчивое и гордое лицо, прямые светлые волосы, бесхитростность в обращении. Ни в какие светские или лукавые отношения она не умела входить, разрушая их своей непосредственностью. Вот ее реплика из разговора с близким другом: "Я хочу построить большой катер, чтобы летом выезжать с тобой загород, - сказал ее друг. - За год эту работу можно осилить". На что Таня ответила: "А не лучше ли построить семью. Это даже проще и значительно долговечней". Она была по-детски доверчива и лишена инстинкта самосохранения. Не понимала таких вещей, как подлость и обман. Сталкиваясь с ними, она лишь удивлялась и никогда не думала о мести.

Т. Кернер. Автопортрет.

Вот эта непосредственность и чистота ее воображения сквозят и в ее картинах. "Огород" — помечена 1960 годом. Фантастические овощи с кроной, как у деревьев, темнокоричневая хищная свинья роется в земле, над огородом летают бесплотные люди. Земля и космос — центральный мотив ранней живописи Тани Кернер.

Художественное ее созревание шло быстро и успешно. Еще в СХШ, где одновременно с ней учились такие яркие индивидуально-сти, как Михаил Шемякин, Эдуард Зеленин, Евгений Варабанов и Михаил Иванов, Таня Кернер не выглядела робким учеником. Сильное влияние на нее оказал тогда Олег Целков, чьи картины представляли собой монументально претворенный лубок, воспринятый через Леже.

Леже и лубок прямо соприкасаются у Тани Кернер, но уже в восемнадцать лет она находит самостоятельный путь. Её гротеск носит лирический характер, чем-то напоминает Шагала, но без шагаловской скорби. Кернер работает много и напряженно. Каждый год — новый период. Ярko проявляются фольклорные мотивы. Иллюстрирует Калевалу — финский эпос. Сейчас, столько лет спустя, поражает тот живописный поток, который бурлил вокруг нее, ею же созданный. Когда семнадцатилетняя художница, как юная Жанна Д'Арк, ощутив свое предназначение, приняла его мужественно и бестрепетно. Она была колорист божьей милостью, с мужской хваткой и мужской уверенностью письма.

Недаром Николай Павлович Акимов, у которого Таня училась в Театральном институте, любил шутить: "Тут на стенах работы висят — которые получше, это Тани Кернер, которые похуже, мои". Акимов для Тани был не только наставником, но и меценатом. Он постоянно покупал ее картины, материально поддерживал. Первый раз Татьяна Кернер выставилась в 1961 году на квартире Лильбе-

Т. Кернер.

Огород.

ка. Вместе с ней экспонировались Арефьев, Шварц, Громов, Васми. Выставка имела большой успех. Затем последовали выставки Кернер в различных кафе. Коллекционеры гонялись за ее картинами. Эта замечательная живопись стоила тогда гроши - по 20-30 рублей. Сама Таня не придавала значения своей популярности. Она жила на окраине города, очень замкнуто, любила только живопись и путешествия, притом стихийные. Рассказывали, как она отправилась из Пскова в Новгород пешком - без документов и денег. Попала в воинскую часть, ее задержали, позвонили в Ленинград, где друзья уже всполошились и разыскивали ее через милицию - одна Таня не понимала причины всеобщего волнения: "так хорошо, весна, птички поют, люди такие добрые. Зайду в избу, меня покормят, спать уложат".

Закончив Театральный институт, она уезжает в небольшой сибирский город. Перед отъездом много пишет себя. Основная тематика: Земля, город, женщина. И только намного позднее в картинах появляются дети.

В Сибири художница выдерживает недолго, через полгода она возвращается и погружается в мучительную саморефлексию. Занимается философией, пишет стихи, прозу. По-видимому, прежние стихийные источники, питавшие ее живопись ослабли, и Таня Кернер ищет новые - в реальной жизни и в культуре.

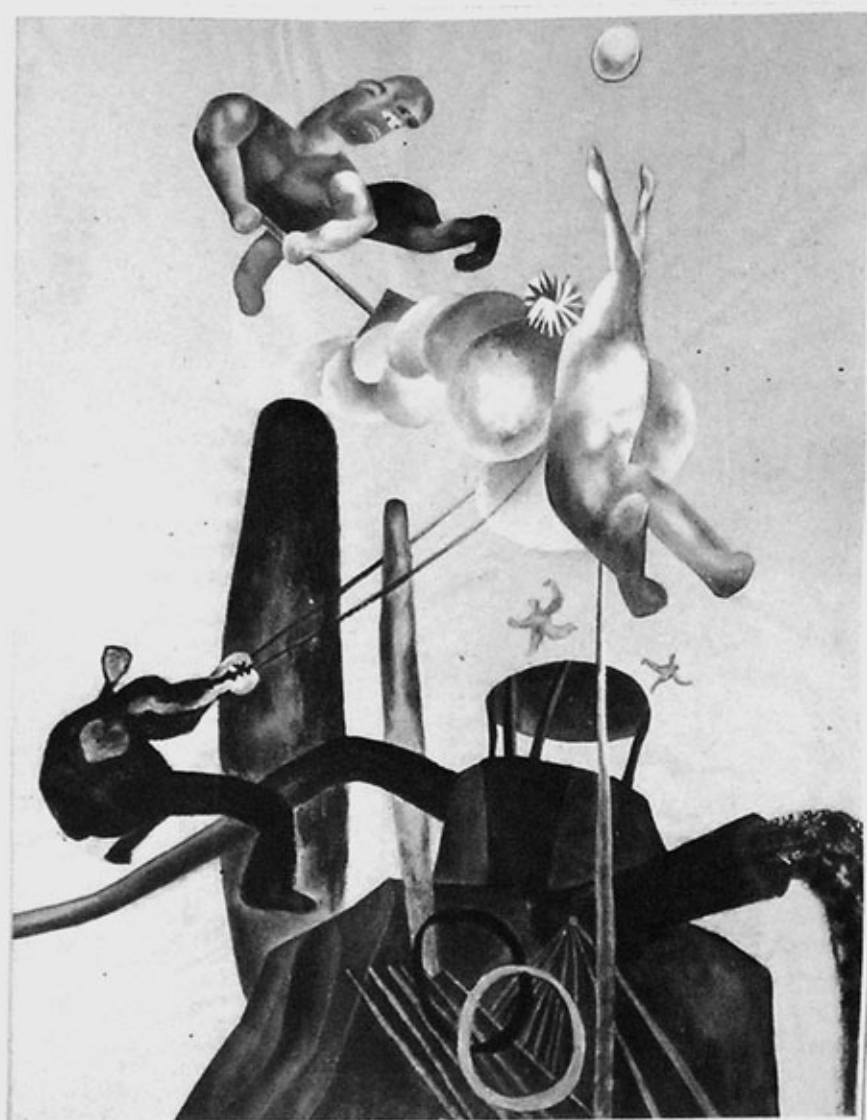
Одна из первых в своем поколении художников делает шаг в сторону и переходит на неквалифицированную работу. Плавает на городских шаландах - "грязнухах". Шаланда перевезет грязь метров на двадцать и вывалит ее в этот же канал. Таня много рисует, записывает свои наблюдения. В ее работах появляется реальная струя. Город, увиденный снизу, через иллюминатор, с фантастическими существами, роющимися в клубах черного дыма - это

Т. Кернер. Болерина.

не экзотика для Тани, это реальный мир, увиденный глазами художника. Удивительное ее качество — всеприятие проявлялось и в ее жизни и в ее работах.

Но к живописи она обращается все реже и реже. Нехватает денег на краски, негде выставяться, умер Акимов. Накапливаются жизненные обиды. Зрелость и материнство оказались непосильным испытанием. Незадолго до смерти Таня Кернер мечтала выставить свои картины. Теперь мы их увидели — на выставке нонконформистов в ДК им. Газа и здесь, на весенней выставке еврейских художников. Но теперь эту сказочную живопись мы видим по-иному.

Т. Кернер.

Дымы.

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

В период подготовки весенней выставки группы еврейских художников — участников Товарищества Экспериментальных Выставок, произошли следующие события: управление Культуры заявило оргкомитету ТЭВ, что выставок "неофициального" искусства больше не будет. Попытки добиться разрешения на выставку на открытом воздухе были расценены как хулиганские.

После трагической гибели Евгения Рухина — 24 мая — общее собрание приняло решение провести 30 мая выставку у стены Петропавловской крепости и посвятить ее памяти всемирно известного художника.

В результате многие (больше двадцати художников) подверглись домашнему аресту. Место проведения выставки было блокировано милицией. Тут же, у Кронверкского моста, были произведены аресты, причем не имело значения, была ли у художника в руках картина. Арестованы: Леонов, Путилин, Клеверов, Васильев, Абезгауз...

В событиях у крепости самое героическое участие приняли жены художников. Именно они несли картины, Лина Клеверова вынуждена была обмотаться холстом, чтобы суметь вынести его из дома (через черный ход!), жена Абезгауза не имела возможности выйти из своего дома с картиной в руках, ее тоже стерегла милиция. Ей пришлось дать 14-летней дочери картину "Свадьба" и отпустить ее из дома одну. Вся семья встретила в метро — Евгений два дня не был дома, поэтому он не мог добраться до Кронверкского моста, где его и арестовали.

К выставке Абезгауз закончил портрет Евгения Рухина. И он, и его жена считали своим долгом принести портрет на выставку,

несмотря на любые трудности. Наталью Абезнауз представитель власти предупредил, что за квартирой двое суток перед выставкой будет вестись наружное наблюдение и с картиной ее не выпустят. Она обернула портрет рогожей и попросила случайно встретившегося соседа отнести пакет на помойку. Через двадцать минут она забрала портрет, но сумела дойти только до метро — ее догнал милиционер, заставил развернуть пакет и вернул домой.

В семь часов вечера у петропавловской стены все-таки собралась группа творческой интеллигенции. К этому времени задержанных художников уже выпустили, но выяснилось, что художнику Клеверову предъявлено обвинение в нарушении общественного порядка и сопротивлении властям при задержании. Через день народный суд Петроградского района приговорил его в семи дням лишения свободы. Ни родственники, ни свидетели не были допущены в зал суда.

Милиция и дружинники запретили собравшимся читать стихи и хоть так почтить память Евгения Рухина.

Идет дождь, низкое ленинградское небо, вдоль стены, на которой так и не повисело ни одной картины, проходит последний милиционер.

Проходит под надписью — пастелью на стене — Выставка памяти Евгения Рухина.